

Леонид Кацис

Осип Манделъштам

в «Вечерней красной газете» 1925—1929:
от Еврейского театра до анонимных аннотаций

В биографии Осипа Манделъштама есть период, который, с одной стороны, представляется замечательно документированным многочисленными письмами поэта к Н. Я. Манделъштам, некоторым количеством внутренних издательских рецензий и т. п., а с другой — этот временной промежуток практически никоим образом не откомментирован. Достаточно обратить внимание на комментарий к переписке О. М. и Н. Я. Манделъштам в четырехтомном Собрании сочинений и в вышедшем через 15 лет так называемом Полном собрании сочинений Манделъштама в 3-х томах под редакцией А. Меца¹, чтобы увидеть, что никаких существенных подвижек в этом вопросе не произошло². Более того, в трехтомнике ком-

---

© Leonid Katsis, 2013

© TSQ № 46. Fall 2013

¹ Оценку невеселых итогов этого эдиционного начинания 2009—2011 г. см.: Кацис Л. Книговедческие заметки. Три разговора о текстологии, комментарии и составлении «Полного Манделъштама // Книжное обозрение. № 20(2318). М., 2011. С. 16—17.

² Письма О. Манделъштама к Н. Я. Манделъштам интересующего нас периода представлены в т. 4 Собрания сочинений в 4 т. М., 1997 (сост. П. Нерлера, Ю. Фрейдина, С. Василенко и др.) и в т. 3 Полного собрания сочинений и писем О. Манделъштама в 3 т. п. / р. А. Меца. М., 2011. Т. к. все письма в обоих изданиях публикуются в хронологическом порядке, а собрание под ред. А. Меца использует текстологию предыдущего издания, мы указываем лишь дату написания письма, не давая подробных ссылок в каждом отдельном случае.

ментарии к издательским аннотациям О. Мандельштама даются, практически, по первопубликациям 1988 и 1991 годов³.

Между тем, это период активной работы поэта в «Вечерней Красной газете», выходявшей в Ленинграде, где Мандельштам тогда жил. В этой газете появились очень значимые и известные тексты: «Киев», «Березиль», «Московский еврейский театр», «Жак родился и умер». Именно на страницах КГВ зародился грандиозный «уленшпигелевский» скандал, который привел к созданию «Четвертой прозы».

Разумеется, можно сказать, что эти статьи и очерки, рецензии и споры о качестве художественного перевода, многочисленные переводы разного рода иностранной литературы, внутрииздательская деятельность Мандельштама, его часто служебные предисловия к книгам и т. п. уступают по важности стихам или «Разговору о Данте». Однако в случае Мандельштама именно период 1925—1929 дает возможность увидеть место и роль собственно биографических обстоятельств в становлении поздних стихов 1931 и последующих за «Четвертой прозой» 1929 г. текстов.

Наконец, даже просто общефилологическая задача воссоздания «Трудов и дней» поэта и простого комментирования его переписки заставляет отнести к периоду 1925—1929 с максимальным вниманием.

В настоящей работе центром рассмотрения окажется «Вечерняя Красная газета» и потому, что в ней находится целый ряд известных подписанных текстов поэта, и потому, что многие факты его жизни и деятельности, отраженные в письмах этого периода, касаются КГВ, и потому, как мы попытаемся показать, что в этой газете публиковались упоминавшиеся в письмах аннотации на книги современных зарубежных писателей, и потому, что исследователями были пропущены важнейшие тексты, касающиеся Мандельштама и опубликованные на этих же страницах.

---

³ Наиболее полное собрание подобного рода текстов находится в указанных изданиях, хотя и в несколько разной компоновке. Поэтому и в этом случае мы даем лишь даты этого рода источников, не ссылаясь каждый раз на оба указанных издания.

И еще одна деталь. Многие сюжеты КГВ перекрестно или параллельно рассматривались и на страницах известного ленинградского журнала «Жизнь искусства» и его еженедельных приложений театральных программ, где, однако, встречаются и вполне значимые для нас тексты.

Наконец, известные тексты Мандельштама из КГВ, за единственным исключением «Жак родился и умер», касаются очень непродолжительной поездки поэта в Киев в конце весны 1926 г. Четыре текста «Киев» 1 и 2, «Березиль» и очерк о московском Еврейском театре плотно связаны между собой, являя части ненаписанной, по свидетельству Н. Я. Мандельштам в переписке с Л. Гинзбург, книги о Киеве.

И здесь надежным подспорьем в понимании всей важности ленинградских газетных выступлений О. Мандельштама оказывается небольшой киевский журнал «Театр. Музыка. Кино», в котором мы встретим не только имя Мандельштама в библиографических списках, цитаты из его стихов и т. д., но и статьи Х. Токаря, который жестко полемизировал именно с КГВ и ее важным театральным рецензентом А. Кутелем. Кутель был противником режиссера Московского еврейского театра А. Грановского, за которого, судя по письму О. Мандельштама к Н. Я. Мандельштам, вступался поэт.

В свою очередь, эта история была рассказана Осипом Мандельштамом в том же самом письме к жене в связи с попыткой привлечь поэта к защите брата Е. Э. Мандельштама и Ленинградского отделения Московского общества драматических писателей и композиторов (МОДПИК), членом которого был и О. Мандельштам.

Но и это, оказывается, не все. Главной проблемой МОДПИКа, равно как и соперничавшего с ним Драмсоюза под руководством, в числе прочего, А. Кутеля, была проблема тотального плагиата уже в советское время членов обеих институций с хорошей дореволюционной историей.

Нетрудно видеть, что целый ряд проблем, которые до нас так или иначе рассматривались исследователями в отдельности (не говоря уже о тех, которые были пропущены нашими предшественниками) образуют плотный и единый поток жиз-

ни и деятельности Осипа Манделъштама. Поэтому единственным кажущимся нам разумным путем первичного представления всех этих материалов является их хронологическое описание. При этом каждый материал будет кратко охарактеризован. Ибо ряд атрибуций потребует специальных исследований, это же касается и аналитической работы с критическими статьями о поэте, которые прошли мимо внимания исследователей. Однако только с их учетом (а среди них есть и такие, где имя поэта не называется открыто) может быть восстановлен реальный литературно-политический контекст 1925—29 гг., связанный с Манделъштамом.

Таким образом, в настоящей работе сплошное чтение КГВ за 1925—1929 гг. сопровождается «подсветкой» из киевского и ленинградского театральных журналов. Это создает соответствующую аналитическую оптику, не всегда привычную в традиционном литературоведении. Хотя, в качестве предшественника здесь нельзя не упомянуть монографию Л. Флейшмана «Пастернак в 1930-е годы» (1984) или ее дополненное издание «Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов» (2005), где советская пресса была прочитана на фоне «Социалистического вестника» или «Бюллетеня оппозиции большевиков-ленинцев». Наша работа пока не охватывает столь широкий круг источников, однако воспринимает имеющийся методологический опыт.

В идеале, разумеется, к нашему контексту должны быть подключены и харьковские органы печати этого же времени, и соответствующие повременные издания Москвы и Ленинграда, некоторые из которых мы здесь ниже упомянем. Но это дело будущего.

Однако при всей непривычности внешней формы предлагаемого исследования, полученные результаты, как кажется, должны оправдать понятные трудности восприятия представляемого материала.

Первые сведения о своей деятельности как рецензента О. Манделъштам сообщил жене в письме от 02 февраля 1926 г.

О. Э. Манделъштам к Н. Я. Манделъштам 02.02.1926 г.

«Вот Надик, дела: Ленгиз — разворошенный муравейник. Тенденция — не то сжать, не то уничтожить. (...) Рецензии еще есть, но книги посылаются на утверждение в Москву. Первая партия уже послана. (...) Получил 3 книги на рецензию. (...) В «Прибое» все абсолютно спокойно. Они переписывают, я правлю. Обещают не задерживать».

Тон этого письма свидетельствует о том, что подобная работа была для поэта обычной формой заработка. Поэтому сведения из данного письма необходимо включить в общий поток аналогичной работы О. Мандельштама.

К этому времени О. Мандельштам написал в середине 1924 г. предисловие к книге А. Эрмана «Скипетр», хотя книга вышла в 1925 г.; в октябре-ноябре 1924 г. из известных нам рецензий и предисловий имеются следующие: Л. Сент-Оган «Тудиш» (книга с предисловием О. Мандельштама вышла в апреле (?) 1925 г.; К. Г. Штробль «Призраки на болоте» (рец.) + рецензия на ту же книгу, написанная на бланке политического редактора; в начале 1925 года в ГИЗе вышла в свет книга Ж. Ромена «Кромдейр-старый» в переводе и с предисловием О. Мандельштама. Судя по всему, с учетом сроков подготовки книги к изданию, текст должен был быть написан не позже ноября 1925 г. Тогда же вышла в свет в ГИЗе и книга Ж. Ромена «Обормоты» с предисловием О. Мандельштама. То же издательство выпустило книгу переводов Мандельштама из М. Бартеля «Завоюем мир», а 18 июля 1925 г. в журнале «Ленинград» под псевдонимом Колобов была опубликована рецензия на «Кулисы французской печати». При этом сама книга уже с предисловием К. Радека вышла в свет в «Ленгизе» в марте 1926 г. Наконец, самая ранняя из следующих известных нам рецензий, предисловий либо внутренних рецензий О. Мандельштама оказывается анонимное (и атрибутированное поэту Д. Сегалом) предисловие к книге Б. Лекаша «Радан

Великолепный», вышедшей с датой 1927 г., но в реальности в самом конце 1926 г.⁴.

Кроме того, известно довольно большое количество внутренних рецензий, датированных 1926—1927 гг., чаще всего по времени выхода в свет книг в подлиннике или уже в СССР в переводе. В этом списке есть и «Ленотгиз», и «Прибой» и т. д.

Таким образом, можно считать установленным, что в 1924—1927 гг. О. Мандельштам активнейшим образом участвовал в редакционно-издательской деятельности, которая, однако, не слишком часто выходила на поверхность.

В открытке к отцу от 16.12.1925 О. Мандельштам писал, что «Госиздат на время или навсегда лопнул», 18 или 19 декабря он сообщал Э. В. Мандельштаму, что «Целый месяц мы сидели забытые Госиздатом — без всяких получек, без твердой работы — и с предубеждением, что на будущее рассчитывать нельзя. Вчера получили телеграмму Горлина: ближайший месяц опять обеспечен. Спасибо Выготскому, удивительно внимательный человек на страже моих интересов. А в письме к Н. Я. Мандельштам от 02.02.1926 поэт сообщал, что в «Прибое» все в порядке, а 03.02.1926 г. возможно заключение договоров с ГИЗом и «Сеятелем». Наконец, 05.02.1926 О. Мандельштам писал в Ялту жене: «Деда — ангел. Ходит для меня в «Прибой» и на почту. Рецензии есть, но денег за них не сразу выдают: они выписываются и накапливаются». А вот в письме от 7 или 8.02.1926 встречаются две интересующие нас темы: «Женя над ухом бубнит по телефону... МОДПИК цветет!», а далее — о работе с переводом Е. Я. Мандельштам, делах с Горлиным, окончании работы с «Прибоем» и надежды на будущее с ГИЗом. Так в письмах О. Мандельштама пересеклись две темы: издательская и МОДПИК.

Проблема же писания О. Мандельштамом внутренних рецензий на бланках политической редакции может найти свое

---

⁴ В 2004 г. эта книга с предисловием О. Мандельштама и атрибуцией Д. Сегала из «Slavica Hierolymitana» была переиздана в Москве. Однако дополнения Д. Сегала касались лишь биографии французского романиста.

объяснение из, например, следующего письма поэта жене от 9—10.02.1926 г.:

О. Э. Мандельштам к Н. Я. Мандельштам 09—10.02.1926 г.: «Горлин поручил мне писать рецензии (на утверждение) для *Москвы*».

Как мы говорили в самом начале этой работы, мы не будем выделять в отдельные хронологические блоки те различные события, скандалы и происшествия, которые находят свое отражение в письмах О. Мандельштама, касающихся издательско-редакционных проблем. Более того, в большинстве случаев они вообще не комментируются в тех собраниях сочинений, где есть соответствующие разделы. Мы имеем в виду названные 4-томное собрание под редакцией П. Нерлера и 3-томник под редакцией А. Меца⁵. В дальнейшем изложении мы будем использовать весь наличный материал, дополняя его сведениями, которые можно почерпнуть из КГВ, «Жизни искусства» или киевского «Театра. Музыка. Кино». Мы не исключаем, что такого рода или иные сведения можно было бы обнаружить в других печатных источниках либо архивах, однако, на наш взгляд, представленный материал может дать направления такого поиска, что само по себе не бесполезно. Кроме всего прочего, кажущиеся разнородными сведения и события могут, как мы попытаемся показать, не толь-

---

⁵ Достаточно обратить внимание на место этой работы в кратких хрониках жизни и деятельности О. Мандельштама, приложенных к этим изданиям. Впрочем, наверное, не стоит удивляться этому, ведь, похоже, с середины 1960-х гг. серьезного источниковедческого исследования прессы 1920-х гг. в связи с Мандельштамом не проводилось вообще, а в давние времена шел поиск куда более значимых и объемных оригинальных текстов Мандельштама. При этом изучение повременной печати, например, Д. Сегалом, при исследовании проблемы «Поэт и история» ограничилось пока самым началом 1920-х гг., а О. Лекманов исследовал в своих работах, скорее, газетные подтексты стихов и прозы поэта 1930-х гг., а не роль и место О. Мандельштама в этих изданиях. Таким образом, наш подход оказывается третьим типом работы с газетными источниками, а все указанные исследования позволяют с уверенностью говорить о том, что изучение газетных источников жизни и творчества поэта окажется одним из наиболее плодотворных в данный период изучения жизни и творчества Осипа Мандельштама.

ко оказывать серьезное влияние на конкретные события в жизни, творчестве или общественно-редакционной активности О. Мандельштама, но и влиять друг на друга, создавая репутацию поэта в литературно-политических кругах. Наконец, только такой комплексный подход даст возможность адекватно прокомментировать письма поэта, что ценно и само по себе.

Именно в рамках предложенного подхода мы отмечаем, что между письмами О. Мандельштама к жене от 10—12 и 18.02.1926 г. в печати все чаще стали появляться статьи о конкуренции двух организаций, занимавшихся сбором авторских вознаграждений. Так, в «Жизни искусства» за 15.02.1926 г. появляется статья «Долго ли еще?» о конкуренции Лодпика с Модпиком. В дальнейшем эта тема будет постоянно переплетаться и с дискуссией о качестве переводов с иностранных языков, в которой примет участие О. Мандельштам; а отражаться обе дискуссии будут в одних и тех же письмах поэта вперемежку.

Продолжаем следовать за мандельштамовскими взаимоотношениями с политредактурой. В следующем письме 18.02.1926 О. Мандельштам пишет уже о встрече с реальным политическим редактором из Москвы:

О. Э. Мандельштам к Н. Я. Мандельштам 18.02.1926 г.:

Надик, у меня в Гизе хороший поворот. Приехал Вольфсон. Сначала положил резолюцию на договор, минуя Москву. Потом с Горлиным решил все-таки оформить в Москве (это займет 10 дней), а пока я получаю маленькую легкую книгу французскую о судах и судьях — 6 листов по 35 рублей.

А через 4 дня сообщает о работе над рецензиями для «Прибоя» с указанием гонорара:

О. Э. Мандельштам к Н. Я. Мандельштам 22.02.1926 г.

Хочешь, малыш, о делах? Я заключил договорок с Горлиным на 4—4 1/2 листа: 210 р. Страшно легко. Прибой выписывает 200 — остальные в марте. Рецензии дают — 30 р. в неде-

лю. Книга стихов зарезана. Детский договор отвергнут. Не люблю Маршака! Большая книга в Гизе будет в начале марта. Как видишь, неплохо. Да еще забыл: взял курьезную редактуру в «Прибое»: по 15 р. лист — 6 листов.

За этим следует сообщение 28.02.1926 о приводе в «Прибой» коллеги по переводческой галере Б. Лившица для знакомства с издателями:

О. Э. Мандельштам к Н. Я. Мандельштам 01.03.1926 г.
Завтра поведу Бена знакомить в «Прибой».

И тут же 05.03.1926 г. сообщение об общении с московским политредактором:

О. Э. Мандельштам к Н. Я. Мандельштам 05.03.1926 г.

Подробности дел: в Гизе ломают голову, как дать мне работу. Вольфсон (политредактор из Москвы) на будущей неделе предлагает съездить с ним в Москву, извиняясь, что едет в жестком вагоне: «Мы для вас что-нибудь придумаем». В «Прибое» и «Сеятеле» очень много шансов.

Нетрудно видеть, что одна небольшая рецензия для издательства равна по стоимости или гонорару переводу целого листа иностранного текста. Поэтому кажущиеся мелкими или неважными тексты рецензий и аннотаций на самом деле играли существенную роль в жизни поэта. Подробнее все это будет описано Мандельштамом в «Потоках халтуры» и переписке с И. Ионовым уже в 1928—1929 г.

В следующем письме история с московским политредактором продолжается:

О. Э. Мандельштам к Н. Я. Мандельштам 11—12.03.1926 г.

Прибой с конца апреля гарантирует постоянную работу, как раньше в Гизе. А Горлин советует мне съездить с Вольфсоном в Москву протолкнуть одну из книг. Это очень верное дело. (...) И Горлин, и Грюнберг вышлют мне книги и подпи-

шут договор без меня. (...) Завтра утром я иду к Горлину инструктироваться для Москвы и условиться с моим спутником.

Однако на наш взгляд только официальными бумагами издательств дело не ограничилось. В «Вечерней красной газете» 02.04.1926 г. появилась колонка «Новости иностранной литературы», где среди трех других имен мы встретили знакомое нам имя — Бернар Лекаш и упоминание его романа о семье Раданских. Понятно, что это и есть будущий «Радан Великолепный», который в переводе и с предисловием О. Мандельштама выйдет в самом конце 1926 г. Сам же французский роман с библейским названием «Яков», вышедший во Франции в конце 1925 г., явно не мог выйти в СССР под таким названием. Однако автор газетной аннотации советского названия еще знать не мог. Однако сравнение текста аннотации с атрибутированным Осипу Мандельштаму предисловием к переведенному им же роману показывает, что это тексты одного и того же автора⁶.

Таким образом, возникает вопрос о том, не является ли вся колонка «Новинок зарубежной литературы» аннотациями одного и того же автора? Тем более что одной колонкой дело не ограничивается. Поэтому у нас возникает возможность сравнить аннотации к другим книгам из подобных колонок с предисловиями или рецензиями, подписанными Мандельштамом, а кроме того, сравнить аннотации на непереведенные книги тех авторов, которые нам известны из списка разного рода текстов Мандельштама.

Вот полный список первой известной нам колонки.

Гаран Бердстэд; Бернар Лекаш; Л. Дюртен.

А уже в следующей колонке «Новинок иностранной литературы» КГВ⁷ 08.04.1926. мы находим имя Бланко Ибаньеса,

---

⁶ Этой рецензии, ее дополнительной атрибуции, французским источникам Мандельштама и причинам, по которым предисловие к «Радану великолепному» осталось анонимным, мы посвятим специальную работу в материалах международной русско-французской конференции по истории компаративистики, прошедшей в ИМЛИ — РГГУ в октябре 2011 г.

которого Мандельштам и переводил, и упоминал в своих текстах: «Бласко Ибаньес; Л. Виндер; Макс Юбильхер».

Одновременно с этим к 15.04.1926 обостряется скандал между Драмсоюзом и МОДПИКом, в связи с чем в «Жизни искусства» № 10 от 15.04.1926 появляется «Письмо в редакцию» в ответ на скандал вокруг Драмсоюза и Модпика, отраженный номере от 08.03.1926.

Через неделю после этого в киевском «Театре. Музыка. Кино» за 20—27 апреля появляются материалы и о переезде «Березиля» в Харьков, и о том, что спектакли театра будут иметь место до 03.05.1926. А в следующем номере 27 апреля — 04 мая сообщается о проводах «Березиля» в Харьков. Как известно, этот эпизод отразился в черновиках к очерку о Московском еврейском театре, который вышел в свет в августе 1926 г. после очерков о Киеве и о театре Березиль. А сам Мандельштам писал в сохранившихся черновиках, что не успел к началу действия, однако встречу Курбаса и Михоэлса он описал. Не исключено, что просто по материалам указанного журнала. В упомянутом номере журнала сообщается и о скором начале гастролей Московского еврейского театра. При этом, в письмах О. Мандельштама к жене разговор о поездке в Киев и встрече там идет вместе и вперемежку с уже указанными темами. Так в хронике жизни О. Мандельштама пересекаются уже три темы, связанные с КГВ: издательская и переводческая, проблемы МОДПИКа и судьба Е. Э. Мандельштама и, наконец, проблемы театра Грановского — Михоэлса⁸.

Впервые тема поездки Н. Я. Мандельштам в Киев возникает в письме в Ялту от 12.02.1926 г., где речь идет о том, чтобы отложить эту идею на месяц. В письме от 12 февраля 1926 г. выясняется, что доктор не против, но советовал бы отложить

---

⁷ В дальнейшем «Красная газета. Вечерний выпуск» будет обозначаться КГВ.

⁸ Подробнее об этом сюжете в статье: Кацис Л. Мандельштам. Михоэлс. Киев (к проблеме атрибуции одного псевдонимного текста о Михоэлсе) // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: Архивы, библиотеки, информация: Седьмые международные Михоэлсовские чтения. М.: Три квадрата. 2012. С. 21—42.

поездку до конца весны, рекомендуя провести это время года в Ялте. Таким образом, поездка в Киев сама собой отложилась на май, совпав с гастролями Московского еврейского театра. И в этом же самом письме находим рассказ о Вольфсоне, политредакторе из Москвы: «В Ленгизе мне очень идут навстречу. Между прочим, для контроля над редсектором здесь назначен из Москвы Вольфсон, старый «дядя-одессит», с которым у нас приязнь. Это важная шишка. Я затащил его к Горлину, и кое-что он мне устроил».

Это очередной пример того, как постоянно переплетаются в письмах Мандельштама интересующие нас темы. И, в конце концов, в письме от 14 февраля Мандельштам четко пишет, что встретится с Н. Я. Мандельштам в апреле: «А на апрель детку мою в Киев!» Так сомкнулись еще две линии переписки: здоровье Н. Я. Мандельштам и поездка в бывшую и будущую столицу Украины. А 26.02.1926 назначается даже день 1 мая (который супруги считали «своим») для встречи в Киеве. Эта же дата повторяется и в письме от 28.02.1926.

А пока продолжают выходить колонки «Новостей иностранной литературы» КГВ 29.04.1926.

Это книги Марселя Ролана, Андрея Струта и; что для нас наиболее интересно, книга Поуса «Боги мистера Таскера». Забавно, что 30.09.1926 аннотация на эту книгу появилась еще раз, но за подписью «Д.», что позволяет получить еще один важный элемент сравнения для будущей подробной атрибуции интересующих нас анонимных аннотаций.

Дело в том, что чуть позже «КГВ» вновь обратиться к этой же книге, а мы получим возможность сравнить обе аннотации — одну неподписную, и другую, подписанную «Д.».

Это для нас наиболее интересно. Ведь абсолютно все аннотации на иностранные новинки, которые по нашему мнению связаны с О. Мандельштамом, неподписные. В то же самое время, встречаются в КГВ, хотя и нечасто, подписные колонки.

Иногда попадаются комбинированные колонки, сочетающие книги на тех языках, которые Мандельштам мог читать в подлиннике, с книгами на польском и чешском языках, ко-

торые явно рецензировались кем-то другим. Поэтому в колонке «Новости литературы» (а не «Иностранной литературы») в КГВ от 05.05.1926 находим не только книги Чапека, или Токашевского о Достоевском, аннотации к которым не могут принадлежать Мандельштаму, или вполне вероятный для него А. Шницлер с «Женой судьи», но и довольно острое сообщение о «Рваче» И. Эренбурга, который намеревалась в отрывках печатать КГВ. У этого романа были большие проблемы с цензурой, он так и не был напечатан в КГВ, а вышел через год в Одессе в сокращенном виде. Однако аннотация на «Рвача» привлекает наше внимание из-за того, что эта ситуация нашла свое прямое отражение в письме О. Мандельштама к жене от 19.02.1926, т. е. за три месяца до появления газетной заметки: «Зашел в комнатку к Федину и Груздеву. Они как раз заполняли бланки с предложениями книг: я мельком прочел: «один из лучших современных поэтов». Стараются! В числе других пробуют проташить «Рвача» Эренбурга. Надик! Надоло мне это проталкиванье и протаскиванье! Эти няньки и спасители-охранители! Мне грустно, деточка моя».

Разумеется, гарантировать авторство аннотации на «Рвача» в данных условиях трудно, хотя она являет собой ценное дополнение к комментарию к цитируемому письму, в то время как заметка о Шницлере вполне вписывается в общий контекст интересующих нас аннотаций, которые могли бы принадлежать О. Мандельштаму. При этом заметим, что подобной смеси советской книги по-русски, литературоведческой о Достоевском по-польски, чешского романа и немецкой книги в одной общей колонке, не отделяющей иностранную непереведенную литературу от советской, мы, кажется, больше не встречали. Поэтому с некоторой долей риска мы можем предположить, что О. Мандельштам имел отношение к первой и последней аннотациям. Вот этот список по порядку: «Новости литературы». Эренбург «Рвач» (!); Чапек «Какатит»; Токашевский. «Новое о Достоевском», «Жена судьи» Шницлера. А соответствующая колонка «Новостей иностранной литературы» была опубликована на той же странице.

И она вполне соответствовала стилю интересующих нас анонимных колонок.

В связи с тем, что мы говорим здесь о широком мандельштамовском контексте публикаций в КГВ, нельзя пройти мимо заметки в № 91, 1926 «Толлер о нашем театре» и последующей статьи А. Пиотровского. Как известно, О. Мандельштам не только опубликовал анонимный перевод «Человека-массы» этого драматурга в 1923 г., но и посвятил ему статью «Революционер в театре». В свою очередь, А. Пиотровский опубликовал тогда же свой подписной перевод этой же пьесы. Поэтому элементов конкуренции, не говоря уже просто о внимании поэта к имени своего бывшего героя на страницах столь заметной для поэта газеты не наблюдается. Однако все это было бы просто малозначимыми предположениями, если бы приезд Толлера в СССР, а его публикация была связана именно с соответствующим визитом, был единственным поводом к его упоминанию в мандельштамовском контексте. Однако именно проблема борьбы с «толлеровщиной» стала основной темой статьи о «Березиле» в КГВ, а это уже заставляет учитывать эту публикацию в данном контексте. Если публикация Толлера и о Толлере может быть связана со статьей о Березиле 1926 г., то тема плагиата, выраженная в форме обсуждения собственности на те или иные носильные вещи, явно предшествует знаменитому обвинению Горнфельда, брошенному Мандельштаму после истории с переводом «Тиля Уленшпигеля», которую Горнфельд сравнил с кражей пальто, и на которую Мандельштам ответил в «Четвертой прозе» примером с обвинением с якобы украденной шубой.

Впрочем, отголоски «Человека-массы» Толлера найдут свое место и в «Четвертой прозе», посвященной, как известно, проблеме обвинения уже Мандельштама Горнфельдом в плагиате как раз с использованием подобной «образности» и «терминологии». Поэтому включение еще одной линии — споров о плагиате в деятельности МОДПИКа и Драмсоюза — в историю работы О. Мандельштама в КГВ оказывается обязательным.

Интересно, что дискуссию эту в КГВ начал Корней Чуковский, которого трудно заподозрить в неприязни к Мандельштаму, да и началась вся эта дискуссия еще на страницах «Известий», где Чуковский выразил возмущение тем, что некий композитор использовал его текст, присвоив себе авторство «либретто».

В статье «Маэстро» К. Чуковский писал в КГВ № 107. 1926 С. 2, так: «Так похитители лодок перекрашивают чужую шаланду в другие цвета и пишут на ней новое название.

Впрочем, наш маэстро осторожен и опытен. Он всегда «работает» с оглядкой. Он хитроумно написал на этих нотах:

— Муз. Ар.

Что такое ар, я не знаю, Арап? Архирей? Арестант?

Говорят, будто это должно означать аранжировка Б. И. Фомина.

Но в таком случае это легенда. Ибо механически снизить какую-нибудь вещь на полтона, не значит аранжировать ее. И если к тому же не указано имя автора, которого вы аранжируете, не указано заглавие вещи, которую вы аранжируете, то естественно думать, что вы аранжировали свое сочинение, например, отрывок собственной оперы. Фомин и намекает на это, указывая тут же, что «Гаитянская рысь» есть вставной номер к его оперетте.

Возможна ли такая двусмысленность в таком щекотливом деле? *Либо это ваш платок, либо это не ваш платок, а ранжировать чужие платки, таким образом, что метка на них как будто ваша, а как будто не ваша — не следует*» (Курсив наш. — Л. К.). Тема Чуковского продолжилась в КГВ 14.05.1926. № 112 в статье: Мигрифа. «Музыкальные арапы (Еще о наших «маэстро»)»:

«М.О.Д.П.И.К.» и «ленигр. О-во драм. Пис. И музык композ», кроме основных своих функций по охране материальных — авторских прав, включили в круг своей деятельности широкие задачи общественного и культурно-просветительного характера и в их руках, безусловно, сосредоточены возможности решительного воздействия на своих членов, за-

бывших, что воровство, даже при «отсутствии литературной конвенции» — остается воровством».

Имеется в виду отсутствие в тогдашнем СССР конвенции по авторским правам. Собственно говоря, именно о справке по этому поводу Мандельштам писал в одном из писем этого времени.

Тема плагиата продолжалась в КГВ 20.05.1926. № 107 в заметке «Вор у вора дубинку украл», в номере от 24.05.1926 в статье Яковлева О. «Музыкальная арапия», где речь шла все о том же — о воровстве друг у друга композиторами и авторами подтекстовок не только их собственных произведений, но и перепечаток под разными именами «авторов» т. н. обработок американских или немецких пьес, которые выходили в МОДПИКе или Драмсоюзе под видом изданий авторов.

26.05.1926 в КГВ в известной нам рубрике «Новости иностранной литературы» появились неподписные аннотации на книги Голсуорси и Луи Эмона. А на завтра 27 мая 1926. № 123 КГВ уже публиковала первый из двух очерков «Киев». Второй появился 03.06.1926 в № 129.

Это были киевские очерки, где существенное место занимали отголоски гастролей Московского еврейского театра да других московских театров вкуче с негритянской опереттой и театром зверей Дурова.

Как известно, Мандельштам во время гастролей Еврейского театра и в момент проводов «Березиля» в Харьков находился в Киеве. А 07.05.1926 опубликовал в «Киевском пролетарии» свой первый очерк о «Березиле», который вышел и в русском и в украинском варианте этой газеты. Тем более значимо, что в киевском журнале «Театр-музыка-кіно». № 24 за 4-го травня — 11-го травня (мая) 1926 року после статьи Х. Токаря (чье имя нам еще встретится) о заслугах Курбаса и «Березиля» на с. 4—5 следует статья Б. Розенцвейга «Алло, Курбас (Вокзальное)», начинающаяся эпитафией из Мандельштама:

Плывите же вместе к грядущим зорям,
Актер и рабочий — вам Нельзя отдохнуть.

[Ср. Харьков и Одесса 1922 г.! (Актер и рабочий» + «Дом актера»)]

О. Мандельштам.

А продолжается статья гимном Курбасу, ставящим его в один ряд с теми, кто в этот момент гастролирует в Киеве (Таиров, Грановский, Мейерхольд) и включает его в один ряд с лидерами европейской режиссуры: «Этот человек с аква-рельной улыбкой и упрямым лбом мыслителя, от которого веет ласковым, каминным теплом (камин незатухающей мысли!), вырос на наших глазах в первоклассного режиссера, чуть ли не европейского калибра.

Не бойтесь этого слова: Рейнгардт, Жемье, Антуан, Иес-нер, Эрвин Пискатор, Мейерхольд, Грановский, Таиров и... Курбас. Для меня лично та «пропасть», которую так неловко образует это многоточие, уже давно стянута и засыпана бие-нием настоящей творческой работы».

И чуть ниже на с. 5 статья Х. Токаря «3-й приезд ГОСЕТА» с характерным упоминанием «Привала комедиантов». Вообще надо отметить, что петербургские кабаре-термины и названия Х. Токаря использовал не единожды, в чем мы еще убедимся.

Итак, «- Снова привал еврейских комедиантов в нашем городе. Стало уже необходимостью по весне принимать у себя этих гостей. (...) Госет имеет своего массового рецензента.

В любом еврейском рабочем клубе, в мастерской или на фабрике, в Детском доме, или на Педагогических курсах вы всегда увидите жест Госета, услышите его песенку, заметите подражание ему.

В истории еврейского театра никто не укажет периода, когда бы театр вот так «ввязался» бы в жизнь масс. Очень просто, ибо никто до Госета театральной культуры вообще не создал.

Еврейский театр создан только тогда, когда революция ворвалась своим очистительным вихрем в гущу народных масс. Вот здесь театр нашел ярчайший клад красок, неисчерпаемый источник движений, ритма и экстаза».

З а время, пока в Киеве идут гастроли Госета, в КГВ № 201. 12.05.1926 выходит аннотация на книгу Ж. Дюамель. «Письма к моему другу-патагонцу» издания Ленотгиза, которую, как известно, перевел О. Мандельштам.

А в Киеве в ту же неделю в «Театре-музыке-кино». № 25. 11-го травня — 18-го травня 1926 року. (май) с обложкой, изображающей портрет А. Грановского, известный нам Хаим Токарь под криптонимом Х. Т. публикует статью «Как Киев провожал «Березиль». Именно в ней находится описание проводов «Березиля» в Харьков, на которых братались Михоэлс и Курбас. До сегодняшнего дня мы знали об этом только из черновиков очерка О. Мандельштама.

А вот «подлинник»:

«„Березиль“ был не только ярким национальным, но и интернациональным явлением.

Много было ярких моментов на этих торжественных проводах.

Представители двух культур — еврейской и украинской — Терещенко (от украинских литераторов) и Лурье (от еврейских) на разных языках говорили одно и то-же о „дорогом для них “Березиле”».

Огромного подъема достигло торжество, когда братским поцелуем обменялись заслуженный артист Республики, премьер Московского Государственного Еврейского театра Михоэлс и народный артист Украины Курбас. Долго несмолкаемой овацией трудовая публика «Березиля» ответила на эту братскую встречу.

— «Мы не единоутробны, но зато единокровные братья. Мы рождены разными национальными культурами, но зачаты мы одним вихрем новой жизни, который пронесся в Октябре. Я горячо приветствую моих братьев» — с огромным пафосом произнес Михоэлс».

Нетрудно видеть, что текст черновика Мандельштама является легкой литературной обработкой этого текста. Делать это пришлось из-за того, что Мандельштам, по его собствен-

ным словам, опоздал к началу действия и застал лишь его конец. А вот как все это выглядело у Мандельштама: «На днях в Киеве встретились два замечательных театра: украинский „Березиль“ и Еврейский камерный из Москвы. Великий еврейский актер Михоэльс на проводах «Березиля», уезжающего в Харьков, сказал, обращаясь к украинскому режиссеру Лесю Курбасу «Мы братья по крови»... Таинственные слова, которыми сказано большее, чем о мирном сотрудничестве и сожительстве народов».

Также нетрудно видеть, как в ненапечатанном отрывке очерка выявляются черты мандельштамовского стиля, упругого и четкого, явно разнящиеся с описанием вечера Х. Токарем. Однако очерк о Московском еврейском театре будет напечатан лишь в августе перед летне-осенними гастролями ГОСЕТа. Интересно, что в заготовках к этому тексту сохранились черточки именно майских обстоятельств киевских гастролей, которые проходили в достаточно напряженной обстановке. По крайней мере, нигде, кроме указанного журнала нам не удалось обнаружить сколь-нибудь развернутых рецензий на киевские гастролы именно 1926 г. Ранее мы касались этих проблем в специальных работах, поэтому здесь не возвращаемся к ним⁹.

Куда интереснее тот факт, что в самый момент гастролей на страницах «Театра. Музыка. Кино» № 27. 25-го травня — 31-го травня 1926 року на с. 4—5 появляется яркий псевдонимный текст «Михоэлс», подписанный Н. Эль.

О связи этого текста с другими текстами О. Мандельштама киевского цикла, опубликованных в Киеве и Ленинграде, равно как о его соотношении с этюдами о Шкловском и Яхонтове 1927 (?) г.¹⁰ мы будем говорить в специальной работе, пока же

⁹ Katsis L. The Russian Jew Osip Mandelstam and Jewish Kiev // East European Jewish Affairs. Vol.40. #2. P. 159—172 (August 2010).

¹⁰ Мандельштам О. <Виктор Шкловский>, Яхонтов // Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х т. Т. 2. Стихи и проза 1921—1929. М., 1993. С. 459—460. В данном хронологическом собрании эти тексты идут в непосредственной близости к Киеву, Михоэлсу, Бернару Лекашу и т. д. В собрании п. / р. А. Меца эти тексты расположены в разных разделах и достаточно труднонаходимы.

лишь выскажем идею о возможной его принадлежности поэту.

Буквально через несколько дней после появления киевского «Михоэлса» в КГВ 03.06.1926 № 129 появляется *Киев (II) О. Мандельштама*. А примерно через две недели после него КГВ 17.06. 1926 в № 140 публикует очерк Мандельштама «Березиль».

Но жизнь течет своим чередом и дискуссии о плагиате в ленинградских организациях, связанных с авторскими правами, продолжают. На сей раз это недельное программное приложение к «Жизни искусства»

«Театр и зрелища» прил. к «Жизни искусства». № 22. 01.06. 1926. С. 2, где в статье «Нед Рейд» На диспуте о плагиате» (В ленингр. Об-ве. Драм. писателей)» читаем:

«Началось все тихо и мирно.

— Мы не будем говорить о личностях. Мы будем говорить о томи, является ли кража воровством, а воровство кражей, и вообще — что такое аранжировка. (...) Аранжировка — на языке этих авторов — это обычная транспонировка (переложение в другую тональность) или прибавка к вещи 2-х — 3-х бесхитростных и бессмысленных тактов. В результате подобной работы перед фамилией нового «автора» становится заезженное «арр» (не указывая даже с кого и с чего) и дело этим ограничивается.

Как будто, — по выражению одного из ораторов, —

— Если вы надели мои брюки и сели в них лужу, так это брюки уже не мои.

Диспут был долгий, бурный и, как говорится, «прошел с большим успехом».

Но за шумливой перебранкой заколдованного круга «авторов» показалась грустная действительность. Она показала, что пора перейти к серьезной борьбе с плагиатом, что пора прочистить и проветрить общество драм. и муз. Писателей».

Похоже, что здесь мы впервые встречаемся с терминологией, которая отразилась в мандельштамовском стихотворении 1931 г. «Еще далеко мне до патриарха...» с его «языком трам-

вайной перебранки». Причем, недостающий «трамвай» все в том же контексте дискуссии о плагиате ждет находится в знакомой нам «Музыкальной арапии»: «Итак, одно из двух — отдайте мне мои деньги.

И они отдали мне мои деньги также поспешно, как трамвайный дебютант, отдает носовой платок, за выуживанием которого его ущемили в чужом кармане. Ибо в такой позиции (разницы, по существу, не было) спорить не приходится».

Таким образом, строки «меня еще ругают за глаза на языке трамвайных перебранок, в которых нет ни смысла, ни аза...» явно восходят к интересующей нас дискуссии, которая продолжалась на страницах КГВ с разной интенсивностью вплоть до конца 1929 г., когда выяснилось, что МОДПИК и Драмсоюз все же закрывают за уже известные нам дела. Впрочем, в тогдашней печати описывались и перерасходы административных средств, и растраты и т. д. Подробности этих событий см. в письме к Н. Я. Мадельштам из Москвы в Киев от 24.02.1930 г.¹¹.

Напомним еще раз, что стихотворение «Еще далеко мне до патриарха...» написано уже после «Уленшпигелевского» скандала и после «Четвертой прозы», в которой отразилась все та же терминология.

Но вернемся к основному сюжету, сохраняя хронологию событий и публикаций.

И тут на страницах КГВ 2 июля 1926. появляется Московский еврейский театр, но в несколько неожиданном

---

¹¹ Столь поздняя хронология дискуссии о плагиате в любых ее проявлениях и внимание к ней О. Мандельштама позволяют счесть предположение о связи событий 1926—1930 гг. со стихотворением «Еще далеко мне до патриарха...» и его «языком трамвайной перебранки» подтвержденным и при этом связанным еще и с письмом Л. Авербаха к Л. Кагановичу и П. Постышеву от 01.09.1931 г., где речь идет о возможном предоставлении квартир как членам «ряда видных попутчиков, предоставление жилой площади которым имеет политическое значение», где, в числе прочего, сошлись Бабель, Павленко и Мандельштам. См. «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925—1938. Документы. Сост. Д. Бабиченко. М., 1997. С. 113.

контексте — в заметке «Крах Госета», касающейся, как нетрудно догадаться, киевских гастролей: «Получены сведения о финансовом крахе, гастролирующего сейчас в провинции государственного еврейского театра.

Работники не получают зарплату уже с марта месяца. Спектакли проходят при полном отсутствии сборов, ввиду чего администрация предложила местному организовать коллектив, на что труппа ответила отказом. Театр обратился в ЦК Всерабиса дать возможность труппе вернуться обратно в Москву».

Эту историю подробно описал в своей книге о ГОСЕТе В. В. Иванов¹².

Пока же, буквально назавтра, О. Мандельштам публикует в КГВ 03.07. 1926 на с. 2 свою известную статью о катастрофическом качестве переводов с иностранных языков «Жак родился и умер». Не исключено, что это начало и всей будущей «горнфельдовской истории» с пальто и шубами. Поэтому не так уж удивительно, что А. Горнфельд использовал в 1929—30 гг. терминологию старой дискуссии о примитивном плагиате МОД-ПИКовского типа в своих куда более серьезных и опасных нападках на Мандельштама, который, как мы увидим далее, был его раздражителем не только в деле перевода, но и в политической сфере.

Пока же КГВ 13.07.1926 в № 161 печатает ответ на статью О. Мандельштама «Жак родился и умер» статью Инн. Оксенова под названием «Мертворожденный Жак», где читаем: «Но все эти и немногие другие жемчужины западной литературы приходится находить среди таких конюшенных залежей всякой завали, беспросветного и наглого убожества, механизированного бесстыдства, мещанства и лицемерия, — что вполне понятен истошный вопль О. Мандельштама об опасности, надвигающейся на наш книжный рынок.

Нужно воздвигать какие-то барьеры, спешно строить плотины против этого бумажного потопа? Серьезные советские

---

¹² Иванов В. ГОСЕТ: политика и искусство 1919—1928. М., 2007. С. 331—439. (Гл. 10. «Казнить нельзя помиловать»).

издательства давно построили эти плотины. Кому приходилось работать в отделах иностранно литературы наших крупных (советских) издательств, те знают, какое испытание проходит каждая книга, назначаемая к переводу, на каких точнейших весах взвешиваются ее идеологические и художественные достоинства и недостатки. Роль так называемого «внутреннего рецензента» — крайне почетная и ответственная роль. И если из сотни прокритикованных книг найдется одна, вполне и, безусловно, заслуживающая перевода, — рецензент чувствует удовлетворение. Ведь «лучше меньше, да лучше». Лучше дать одну книгу, способную органически войти в нашу литературу полноправной сестрой, чем отравлять читателя трупным ядом мертворожденного шпенглеризма и импортной порнографии».

Нечасто встречал Мандельштам такую открытую поддержку. Не забудем, что и «горнфельдовская история» началась с «истошного крика» Мандельштама в «Известиях» — «Потоки халтуры», где без труда можно обнаружить те же самые мысли, что и в двух названных статьях.

А борьба с «обычным плагиатом» продолжалась и КГВ сообщила 12.07.26. № 160. С. 4. В сообщении под уже привычным заголовком: «Борьба с плагиатом».

Ленинградское отделение Московского общества драматических писателей и композиторов приступило к проведению широкой общественной кампании по борьбе с плагиатом и очищению рядов общества от всякого рода псевдо-авторов.

Для руководства всей технической работой бюро эстрадной секции выделило ответственную тройку, а для разрешения спорных и сомнительных вопросов общее собрание эстрадных авторов избрало экспертную комиссию». КГВ во второй раз «Жизнь искусства» в № 27 от 03.07.1926. С. 20, публикуя статью Сим. Дрейдена. «В защиту авторского права».

И тут произошло важное событие, которое, как и многие описанные здесь, наслаивались на бесконечную дискуссию о плагиате. Именно в ее рамках и писал Мандельштам некую неизвестную нам записку по авторскому праву, которая упоминается в письме к Н. Я. Мандельштам...

Но 07.07.1926, когда КГВ в № 156 печатает некролог Акиму Вольнскому, написанный В. Боцяновским, в каждодневную текучку врывается история. Понятно, что сообщение о кончине столь видного театрального деятеля отмечает и «Жизнь искусства» в № 28 от 10.07. 1926, одновременно сообщая об организации МОДПИКом «Тройки для определения плагиата».

Через три дня в КГВ 13.07.1926 вновь появляется рубрика «Новости иностранной литературы» с аннотациями книг А. Поппа, В. Фергюссона, О. Этчегауайзен, а киевский журнал «Театр-музыка-кино» в № 34. 13-го липня — 20-го липня 1926 року (июль) реагирует на цитированный выше выпад КГВ против ГОСЕТа: «Желтая манера».

«Нам в Киеве пришлось наблюдать, при каком повышенном интересе зрителей проходили спектакли Госета. С каждым годом этот интерес все больше и больше возрастает. Госет в его последний приезд в Киев работал в тяжелых условиях. Режим экономии, наличие в городе еще 2-х московских театров и одного из них такого значительного, как театра Мейерхольда, наконец, неблагоприятная погода — ливни. И все же за 40 спектаклей взято 35 000 руб. Это ли свидетельство — «отсутствия сборов».

(...) Все это не помешало нашему информатору нанизывать на своем «сенсационном пере» дикую клевету. Эта клевета возмутила Киевский Посредрабис, который отправил своему центру и редакции «Вечерней Красной газеты» ... телеграмму. Посредрабис Шлосберга.

«Ларчик просто открывается. В чьих-то интересах сорвать спектакли Госета, которые должны состояться в Ленинграде. Этот город имеет большое значение для Госета, ибо тут впервые были сделаны его шаги.

Теперь Госет признанная высокохудожественная единица и фактор крупного политического значения в еврейской среде, что недавно признано Наркомпросом РСФСР.

Рыцарям же построчного гонорара нужно только одно: «поклеветать, авось что-нибудь останется».

Мы уверены, что Госет и в Ленинграде будет пользоваться тем же успехом и вниманием, какое имел всюду на Украине.

Недаром еврейские рабочие здесь на Украине преподнесли ему самый лучший подарок — Красное знамя».

Этот ответ стоит сопоставить с мандельштамовским описанием ситуации в первом очерке «Киев», где речь идет о целом театральном столпотворении в Киеве, когда туда приехал ГОСЕТ и когда из города, как мы помним, уезжал, «Березиль». Похоже, что очерк Мандельштама, опубликованный в той же КГВ еще в конце мая, оказался вписан в совершенно непредусмотренный автором контекст борьбы с театром Грановского. В свою очередь, ответ киевских товарищей в журнале, как мы видели не чуждом Мандельштаму, языком канцелярской прозы описывал то же самое театральное столпотворение.

В Ленинграде же борьба на сей раз с халтурными переводами, продолжалась. Содержание статьи в КГВ Лавренев Б. «Мародеры литературы». 16.07.1926. С. 2 касалось качества переводов, выполненных людьми, плохо знающими и русский и иностранные языки.

А в интересующей нас рубрике КГВ 20.07.1926. № 167. С. 4 продолжала печатать анонимные «Новости иностранной литературы». На сей раз о романе Оскара Бротена «Волчье логово».

Но интересные для нас материалы в КГВ касались не только Осипа, но и Евгения Мандельштама. В КГВ 27.07.1926. № 173 на С. 4, сообщая о новом бюро МОДПИКа упомянула и брата поэта: «В связи с отъездом на летнее время ряда членов правления Московского о-ва драмписателей и композиторов, о-во сконструировало на лето временное бюро в составе Б. Лавренева, И. Садофьева, С. Воскресенского, В. Галичникова, И. Безруких, М. Жижмора и Е. Мандельштама».

Этот факт не может быть упомянут в переписке О. Мандельштама, т. к., похоже, в это время супруги Мандельштамы жили в Красном селе и в переписке не нуждались.

И рядом с сообщением об избрании Е. Э. Мандельштама появилась заметка из «Новостей иностранной литературы» о романе «Осман-омолаживатель» Марсея Ролана.

Эта небольшая заметка интересна для нас тем, что она, будучи обычной для аннотаций интересующего нас типа крат-

ких — 20-, реже 30-строчных — текстов, имеет единственный более объемный аналог, размер которого сопоставим с обычной внутрииздательской рецензией. В свое время мы его упомянем, пока же отметим, что многие короткие аннотации имеют разрывы в виде немотивированных многоточий. Их невозможно отнести к просто интонационным знакам. Нам представляется, что это признак сокращений, которые делались в редакции газеты при наборе колонок из предоставленных объемных внутренних рецензий.

Не комментируя, отмечаем параллельные хроникальные заметки в «Жизни искусства» № 30. 27.07.1926. В. Л. «Драмсоюз и авторское право» и традиционное продолжение общей дискуссии в КГВ 31.07.1926. С. 4. Аргус. «Дела арапские» о плагиате в Драмсоюзе и соответствующий ответ от Эстрадбюро Драмсоюза. «О плагиаторах» в ответ Аргусу, что в Модпике еще хуже.

И вот, к приезду ГОСЕТа в Ленинград КГВ 10.08.1926 в № 184 публикует хорошо известную статью О. Мандельштама «Московский Государственный Еврейский Театр».

Нам не раз приходилось писать о ней, но здесь отметим два обстоятельства. Е. Д. Толстая давно отметила, что описание игры Михоэлса в этом тексте восходит к статьям Акима Вольтинского о еврейском театре, которые (равно как и его «Гиперборейский гимн») были связаны с возникновением театра «Габима», игравшего на древнееврейском языке. В данной работе мы сознательно пропустили подробную хронику сообщений о «Габиме» в КГВ и в последний 1926 г. ее пребывания в СССР, и начала триумфальных гастролей в Европе. Однако следы текстов Вольтинского в очерке Мандельштама явно связаны с впечатлением от смерти их автор. Кроме того, в наших более ранних работах мы отмечали, что ряд моментов в этом очерке восходит к киевским театральным текстам Андрея Соболя 1919 г. Однако и Андрей Соболев покончил с собой 08.06.1926 г., т. е. практически во время гастролей ГОСЕТа в Киеве. А упоминавшийся нами текст Н. Эль «Михоэлс» вышел в номере «Театра. Музыка. Кино» не позже 25 мая 1926 г. Не предвосхищая сейчас результаты атрибуции этого текста,

заметим, что его автор (кто бы он ни был) явно учитывал некоторые черты еврейского актера, указанные Волинским, однако не педалировал их. В то время как обсуждения вопроса о том, легко ли Грановскому собрать своих актеров из старых бадхенов и других типичных евреев с улицы и создать театр, в киевском очерке не было вообще¹³. Поэтому и следов старых текстов Соболя здесь нет и быть не может¹⁴. Однако при попытке атрибуции указанного текста Мандельштаму два трагических события, происшедших после его публикации придется учитывать обязательно.

Вскоре 19.08.1926 г. открылись гастроли ГОСЕТа. В печати появились многочисленные заметки, рецензии, интервью с Михоэлсом, Грановским, Альтманом и т. д. Все это подробно отражала КГВ. Не отставала и «Жизнь искусства», посвящавшая гастролям ГОСЕТа целые номера. И именно в этот плотнейший контекст попал очерк Мандельштама о Михоэлсе и Грановском.

В рамках данной статьи мы не будем специально касаться дискуссии между Грановским и А. Кутелем о том, был ли до Грановского настоящий еврейский театр, или обсуждать вопрос о том, отражал ли режиссерский ритм Грановского ритм тысячелетней еврейской истории. Напомним, что в очерке Н. Эль «Михоэлс» жест актера все это отражал. Но хронологически тот текст, как бы то ни было, явно отвечал на предотъездные интервью лидера «Габимы» Цемаха, который утверждал, что именно его Еврейский театр на древнееврейском языке, а не «театр на еврейском языке», как называли Идиш, (как гласил манифест Грановского), отражает тысячелетия еврейской истории. И именно отсутствие этих «тысячелетий» у Грановского ставил ему в вину в КГВ Александр Кутель, ре-

---

¹³ См.: Толстая Е. Аким Волинский и еврейский театр // Солнечное сплетение. № 16—17. Имеются в виду статьи А. Волинского «Еврейский театр». Ст. 1-я Ипокрит//Жизнь искусства 1923. № 7; Ст. 2-я. Походный ковчег. Там же. № 8.

¹⁴ О Соболе см.: Кацис Л. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М., 2002. С. 355—370. (Очерк «Михоэльс» и киевская театральная критика Андрея Соболя», там же сопутствующие материалы).

гируя на манифест Грановского в «Жизни искусства», «Мы идем».

Вскоре после окончания гастролей ГОСЕТ стали обвинять на страницах «Жизни искусства» в организации покупной рекламной кампании и хвалебных рецензий (С. Воскресенский О фимиаме, эстетстве, мистике, а также о базарной рекламе // Жизнь искусства. № 38. 21.09.1926. С. 3), и в этот же самый день на страницах КГВ продолжилась публикация «Новостей иностранной литературы», где упоминались имена В. Стефенсона, В. Ирвина, С. Бюкса, М. Кордэ, а вскоре вслед за этим последовала колонка «Новости Иностранной литературы. (Ближайшие издания Ленотгиза)» — Ф. Треллер; Альфредо Пансин; С. Миллин.

Однако ближе к концу ленинградских гастролей ГОСЕТа в КГВ начали появляться и резко критические рецензии. Так, 11.09.1926. В. Б. (Боцяновский) раскритиковал «Ночь на старом рынке». А делалось это все на фоне восторженного описания гастролей за границей (куда пытались в это самое время не пускать ГОСЕТ!) «Габимы».

До сих пор мы просто, по тем или иным причинам и признакам, предполагали, что автором анонимных аннотаций «Новостей иностранной литературы» в КГВ (в основном на книги «Ленотгиза» или Гиза, либо на не переведенные еще книги) является Осип Мандельштам¹⁵. Но письмо О. Мандельштама к Н. Мандельштам от 01.10.1926 г. резко меняет взгляд на ситуацию. В нем поэт четко называет и область своих занятий, и источники книг, и газету, куда все это пишется: «Миша Слонимский зав. в Прибое. С 15 октября! Уже этого достаточно! Мы спасены! Давидка — редактор журнала иностранной литературы при Красной газете! Портфель туго на-

---

¹⁵ Аналитическая публикация всех аннотаций из КГВ с соответствующей атрибуцией будет осуществлена нами в «Сохрани мою речь ...» вып. 6. Поэтому здесь мы не приводим подробных текстовых и иных сопоставлений анонимных текстов с текстами О. Мандельштама и другими материалами, а исходим из того, что наиболее значимые для нас тексты являются мандельштамовскими. В этом случае вся ответственность за столь серьезные заявления ложится на автора данной статьи.

бит книгами от Прибоя на исключительно выгодных условиях. Я взялся им писать рецензии для газеты — по 30 р. с книги — 10—20 строчек».

В параллель к этому стоит вспомнить и более поздние «Потоки халтуры», где читаем: «Никто не поверит, каким способом подбираются у нас книги для переводов. В ЛенГИЗе широко практиковалась выписка книг из-за границы. Они отсеивались сознательно в несколько приемов. Во-первых, агенты-заготовщики за границей давали приблизительно нужные присылки. Затем опытные рецензенты прочитывали десятки и сотни книг, причем рецензии на книги, даже никогда не увидевшие печати, были сплошь и рядом грамотнее, литературнее, содержательнее, нежели те, что печатаются в толстых журналах. На 40—50 проработанных таким образом книг намечались 3—4 вещи — кандидатки к переводу. И только тогда уже, по соглашению с идеологическим руководством, одна или две книги сдавались в работу».

Эти слова Мандельштама из статьи 1929 года, которая практически не комментируется, с удивительной точностью совпадают с «Мертворожденным Жаком» Инн. Оксенова. Но Оксенов как раз и реагировал на ситуацию конца июня — начала июля 1926 г., когда Мандельштам активно работал с «Ленотгизом» и писал, как мы полагаем, тем самые подписные внутренние рецензии (которые печатаются в его собраниях сочинений) и те аннотации, которые мы описываем здесь.

«От рецензента, работающего внутри издательства, пишущего для «внутреннего употребления», зависит судьба книги. Он может ее убить или протолкнуть. Каждая рецензия должна быть написана так, чтобы ее не стыдно было напечатать, чтобы автор за нее полностью отвечал. Нередко эти отзывы сводятся к бездушным канцелярским отпискам. Их нельзя опубликовывать, до того они бывают мелочны, позорны или бессодержательны. Рецензенты — такие же случайные клиенты, как и переводчики».

Нетрудно видеть, что и непубликовавшиеся внутренние рецензии Мандельштама и его, как мы думаем, краткие аннотации к этой категории не относятся. В отличие от крипто-

нимных рецензий в КГВ, интересующие нас анонимные аннотации — изящные микроэссе. В них, опять же в отличие от названных, нет и следа использования 10—15 строк цитат из аннотируемых текстов. А сами микроэссе практически всегда заканчиваются изящным заключительным пуантом. Кроме того, некоторые аннотации, например, на Бернара Лекаша, с изменением пары слов входят в предисловие. А, например, аннотация на американский еврейский эмигрантский роман из «Новостей иностранной литературы» поразительно близка, стилистически и содержательно, к предисловию к переводу на русский язык другого подобного романа Розы Коген (пер. Н. Я. Мандельштам), предисловие к которому написал Мандельштам О. Э. Более того, аннотация на какой-нибудь роман Рене Марана «Джума» отсылает к предыдущему сочинению гонкуровского лауреата 1922 г. «Батуала», который упоминался в очерке 1923 г. «Ньюэн Ай-Как. В гостях у коминтерщика». Либо количество сочинений т. н. унанимистов, которых О. Мандельштам переводил и о которых писал, с учетом наших аннотаций увеличивается почти до полного состава группы. Пересечения и отсылы могут быть самыми разными.

Но вернемся к ГОСЕТу и продолжим нашу комментированную хронику.

Примерно через месяц после обвинений в купленных рецензиях, ГОСЕТ публикует в «Жизни искусства» № 45. 09.10.1926. С. 22 ответное «Письмо в редакцию МГОСЕТА». Буквально в тот же день О. Э. Мандельштам в письме к Н. Я. Мандельштам 09—10.10.1926 г. пишет сразу о трех темах, которые мы здесь рассматриваем: ГОСЕТ и МОДПИК вкупе с ГИЗом: «В Гизе мне показалось, что редактор саботирует мою работу, т.е. попросту выживает меня. Эти идиоты-чиновники говорили со мной какими-то недомолвками (...), а на поверку оказалось, что они всего-навсего просят не торопить, не «нервировать» их с деньгами. Ты знаешь, как я до глупости мнителен. Я заразил даже Горлина, который советовал мне съездить в Москву. Маршак, заметив мое волнение, выяснил эту чепуху. Работа идет полным ходом.

(...) Евгений Эмильевич тащил меня (тоже эти дни) в Москву: помогать на каком-то собрании Модпика (перевыборы). Я чуть не согласился, дед метал громы, чтоб я ехал в Москву. Полный идиотизм! Понимаешь, как это кстати? Повторение истории с Грановским».

Псс4 4 с. 87, 89.

На следующей декаде продолжается полемика в «Жизни искусства» о ГОСЕТе (№ 46. 19.10.1926. С. 24. С. Воскресенский. Письма в редакцию», опять про саморекламу ГОСЕТа). Далее публикуются статьи А. Кутеля, который готов предпочесть ГОСЕТу любые еврейские театры, а в это время сам готовится открыть Ленинградский еврейский театр. Дело, правда, заканчивается пшиком и судебным процессом над аферистами, введшими Кутеля в заблуждение. И т. д.

Все это вызывает острую реакцию знакомого нам «Театра-музыки-кино», где в № 49. 19-го — 25 жовтня 1926 року. (октябрь) уже из Киева Х. Токарь выступает по поводу по поводу гастролей Госета в Ленинграде в статье, публикующейся в двух номерах: «Ученые Петербургские евреи заговорили».

«Что такое «ученый еврей». Это та прослойка дореволюционной еврейской среды, которая, добившись дипломов, по своему собственному почину, стала непрошенными ходатаями по «еврейским делам». В обстановке бесправия эти господа обивали пороги царских сатрапов, бывали принимаемы в салонах русской либеральной буржуазии. Хорошо изучив искусство пресмыкательства перед сильными мира того, они были достаточно ненавистны сознательной еврейской трудовой массе.

Пролетарская революция вымела их вместе с теми, кому они служили за рубежами нашей страны, но следы этих господ у нас остались. Беспомощные что-либо сделать по линии общеполитической, они время от времени пробуют сказать свое слово в культурной работе. (...) Вся эта культурная работа идет на языке, которым пользуется 99 проц. где-либо живущих евреев, на языке, который презрительно называется

всей реакционной сионистско-ассимиляторской буржуазией «жаргоном».

В числе прочих культурных факторов родился Госет — явление исключительной художественно-культурной ценности. Высокая театральная культура Госет'а признается даже нашими классовыми врагами. Но «ученые петербургские евреи» недовольны и вполне правы; тут не пахнет их духом, тут нет ни ассимиляторского пресмыкательства, ни националистической самовлюбленности. Госет, встреченный всей партийно-советской рабочей печатью Ленинграда, дружелюбно нашел в лице «ученых евреев» суровых «критиков». Маститого (по идеологии враждебного нам) театрального критика А. Кугеля взорвало от заявления художественного руководителя Госет'а А. Грановского...»

Забавно, что не забывает Х. Токарь употребить в своей статье и слово «фармацевты», столь знакомое всем по «Бродячей собаке». И это не случайно, ведь, как мы помним, сам приезд еврейского театра в Киев Токарь называл «привалом еврейских комедиантов».

Возвращаясь к аннотациям, заметим, что после письма О. Мандельштама к Н. Мандельштам о сотрудничестве с «Прибоем» и КГВ, соответствующие аннотации для названного издательства, которые появляются после даты написания письма, с большой долей вероятности можно отнести к мандельштамовским. Но ведь мы видели, что сотрудничал он не только с «Прибоем», но и ГИЗом или «Леоноттизом». Выходили его работы и в «Книжных новинках» и т. д. Поэтому дальнейшая атрибуционная работа не должна исключать и не «Прибойные» аннотации, особенно когда речь идет о писателях, к творчеству которых Мандельштам обращался до и после этого, таких как, например, Вильдрак, чья книга «Прибоя» отрецензирована в КГВ. 18.11.1926. № 273.С. 6. (в составе колонки: Шарль Вильдрак «Открытия». («Прибой»); «Книжные новинки» Джером К. Джером «Антони Джон»), мы имеем возможность сопоставить ее с другими упоминаниями этого автора, либо со стилистикой мандельштамовского перевода его книг. Кроме всего прочего, на будущее остается

задача поиска возможных переводов тех сочинений, которые здесь названы, на предмет учета предисловий, рецензий на них и т. д., в т. ч. с целью определения возможного мандельштамовского авторства, как в случае с Бернаром Лекашем.

Но вот через три дня после этой публикации в КГВ, 21.11.1926. № 276 появляется и пропущенная библиографами очевидно мандельштамовская, хотя и неподписанная, публикация: Дюамель. «Письма к патагонцу». Как известно, эта книга была целиком переведена Мандельштамом, ей посвящена одна анонимных аннотаций, а в «Жизни искусства» появилась хвалебная рецензия на этот перевод. Затем вновь 10.12.1926. с. 5. «Новые книги». Анри Пулайл («Прибой»); Мишель Кордэ «В Триконии». «Книжные новинки»; Андрэ Жид. «Фальшивомонетчики». «Академия», где встречаем, как видим, книгу «Прибоя». И следующая публикация КГВ 14.12.1926. № 299. С. 4. «Новости иностранной литературы». Жан Туссель вновь «Прибой».

На этом известные нам на сегодня (с учетом заведомой неполноты тех двух комплектов КГВ, с которыми мы работали) колонки «Новостей иностранной литературы» заканчиваются. Важные статьи о Мандельштаме типа «О тяжести недоброй» Н. Я. Берковского, опубликованной в мае 1928 г., мы здесь говорить не будем, т. к. это выходит и за хронологические рамки нашей работы¹⁶. Да и за время полупостоянного пребывания О. Мандельштама в Ленинграде в 1925—1927 гг.

Однако здесь нельзя не упомянуть сообщение «Жизни искусства» от 21.05.1927 г. «В МОДПИКЕ» с упоминанием поездки тов. Мандельштама (Е. Э.) в Москву для отчета о деятельности ленинградского МОДПИКа, и двух скандальных публикаций в КГВ в ноябре, 30 — декабре, 8-го 1928 г., связанных с об-

---

¹⁶ Доклад на эту тему «“О тяжести недоброй”: Н. Я. Берковский в 1928 г. между О. Мандельштамом и Б. Пастернаком» был сделан нами на «Мусатовских чтениях» в Великом Новгороде в октябре 2011 г., посвященных Мандельштаму и Пастернаку: Кацис Л. Мандельштам. Берковский. Пастернак (к проблеме чтения и восприятия критической статьи в газете, книге, посмертном сборнике). *Вестник РГГУ №13(93). Научный журнал. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика»*. М., 2012. С. 107—116.

винением Р. Кугелем Б. Лившица в изготовлении, если не покупке халтурных переводов. Имелась в виду книга Ж. Жироду «Сюзанн островитянин». Тогда дело закончилось перебранкой между Лившицем и Р. Кугелем. (Р. К. Еще о «Сюзанне островитянине» Ответ на 30.11.1927 Лившица о пер. халтуры.).

Нам представляется, что это важнейший эпизод, приведший к конфликту Лившица и И. Ионова, который в итоге привел и к началу всей истории с А. Горнфельдом, вылившейся в «Четвертую прозу». Этот эпизод необходимо включать в комментарий к письму О. Мандельштама к Ионову от 16.02.1926 г., ставшему основой «Потоков халтуры».

Таким образом, заканчивается история практически постоянного сотрудничества О. Мандельштама с КГВ. А мы не просто получаем возможность проследить достаточно трудный и не всегда творческий период в жизни Осипа Мандельштама, впрочем, давший в итоге «Египетскую марку» и «Четвертую прозу», но и приобретаем основания для включения анонимных рецензий, опубликованных в это время в КГВ, в их плотный политико-издательский контекст, связанный, к тому же, и с биографией Осипа Мандельштама. При этом необходимая специальная атрибуционная работа, как с указанными здесь, так и с другими газетными текстами, может теперь основываться на адекватной историко-литературной почве. Именно таким первым подготовительным шагом к будущей атрибуции анонимных текстов из КГВ и является наша работа. В свою очередь, кажущиеся ненужными подробности биографии и сутоубо прикладной деятельности поэта найдут впоследствии свое отражение и в таких стихах, как «Еще далеко мне до патриарха...», что и само по себе может оправдать погружение в представленные здесь не всегда поэтические материи.